

A full-page photograph of two mountaineers with large backpacks and trekking poles, seen from behind as they stand on a rocky, sparsely vegetated mountain trail. They are looking down a steep valley towards a massive, flowing glacier that fills the center of the frame. The glacier is a mix of white and blue ice, with dark rock visible within its crevasses. The surrounding mountains are rugged and covered in patches of snow and ice. The sky is blue with some white clouds at the top right.

Максим Орлов

Пик Влюблённых. Ледяная баллада

Максим Орлов

**Пик Влюблённых.
Ледяная баллада**

«Автор»

2026

Орлов М. В.

Пик Влюблённых. Ледяная баллада / М. В. Орлов — «Автор»,
2026

Двое. Гора. Бездна между ними. Марк и Анна поднимаются на пик Ленина не за победой, а чтобы похоронить общее прошлое. В разреженном воздухе стираются не только границы реальности, но и последние преграды между болью, яростью и страстью. Их восхождение превращается в жестокий ритуал прощания, где ледорубом становятся невысказанные слова, а пропастью — собственная вина. На вершине, у подножия безразличного металлического идола, они ставят последний эксперимент над собой: может ли физическое пламя сжечь душевный холод? И что останется, когда погаснут оба — два тела или новое, чудовищное и прекрасное существо, рождённое льдом и отчаянием?

© Орлов М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Белое безмолвие. Пролог	5
Глава 1: Там, где кончаются дороги	6
Глава 2: Лезвие	8
Глава 3: Топливо для жизни	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Максим Орлов

Пик Влюблённых. Ледяная баллада

Белое безмолвие. Пролог

Холод здесь был не просто температурой — он был сущностью, древней и равнодушной, что ползла по склонам, проникая не сквозь кожу, а напрямую в душу. Семь тысяч метров над миром — и ни бога, ни дьявола, лишь Великий Равнодушный: лёд, ветер и безвоздушная пустота, в которой тонули все человеческие мечты.

Марк и Анна шли уже который день — два крохотных пятнышка на фоне исполинской горы. Марк, тяжёлый, как подводная скала, вгрызался в склон, каждый шаг выгрызая у собственного изнеможения. Анна следовала за ним, и её мир давно сузился до квадратного силуэта его рюкзака. Прошлое — дома, улицы, смех, ссоры — всё это сгорело в топке восхождения. Остались лишь два инстинкта: идти вверх и не отпускать руку товарища.

Вершина встретила их без торжественных фанфар. Лишь плоская площадка, усыпанная острыми камнями, и позеленевший бюст, глядящий в никуда. Они рухнули, как подкошенные. Воздух, которого не хватало, рвал лёгкие ледяными иглами. Марк сбросил кислородную маску — приборы молчали, баллоны были пусты. Он посмотрел на Анну. Её лицо превратилось в обмороженную маску, но в глазах, вставленных в эту маску, ещё теплилась искра. Искра того безумия, что заставило их подняться сюда — не за славой, а чтобы сбежать от всего, что было внизу.

Он подполз к ней. Не из нежности. Из последнего, животного желания тепла. Их обледеневшие куртки скрипели, как броня. Объятие напоминало схватку двух медведей в берлоге. Но под всеми этими слоями брезента, пуха и нейлона всё ещё билась жизнь — горячая, отчаянная, примитивная.

Это не было любовью. Это была ярость. Ярость живого против умирания. Каждое прикосновение становилось битвой за то, чтобы почувствовать хоть что-то, кроме всепоглощающего холода. Их дыхание, хриплое и прерывистое, сливалось в единый стон — гимн агонии и слабоумию высоты. В этом акте не было человека. Было лишь животное, восставшее на миг против вечного закона: всё, что рождается, должно умереть. Даже металлический идол взирал на это без малейшего интереса. Идеи, революции, страсти — всё это было пылью у подножия его ледяного пьедестала.

А потом их накрыло. Не сон. Не обморок. Белая тишина. Она пришла изнутри и поглотила всё: боль в мышцах, страх падения, даже память о тепле другого тела. Марк видел, как искра в глазах Анны медленно гаснет, как её зрачки расширяются, превращаясь в чёрные бездны, отражающие только белое небо. Он попытался крикнуть, но из его горла вырвался лишь пар, мгновенно замёрзший инеем на капюшоне.

Великий Равнодушный победил. Он всегда побеждает.

Они застыли в последнем сплетении, как две ветки, сломанные и прижатые бурей. Ветер начал заносить их мелкой, колючей позёмкой. Он не злился. Он просто делал свою работу — стирал с лица горы всё лишнее, всё временное, всё человеческое. Через час были видны лишь два неясных бугра. Через два — лишь один. А бюст смотрел поверх них, в вечность, ожидая следующего безумца, который осмелится бросить вызов его молчанию.

Там, внизу, в мире тепла и воздуха, ещё помнили их имена. Но здесь, наверху, их уже не было. Была только гора. И холод. И закон: сильный переживает слабого, а немой камень переживает всех.

Глава 1: Там, где кончаются дороги

Их миром стал запах. Сначала — едкая вонь машинного масла и бензина в Оше, на последней большой заправке перед горами. Потом — терпкая пыль горной дороги, вбитая в ноздри за двенадцать часов тряски в кузове «ЗИЛа». И, наконец, холодный, стерильный аромат высокогорья, в котором уже не было ни жизни, ни гнили, только камень, лёд и бесконечность.

Они выгрузились у моста через реку, кипящую белой пеной. Дальше шла только тропа. Базовый лагерь лежал в пятидесяти километрах вверх по ущелью. Шофёр, коренастый киргиз с лицом, вырезанным из морёного дуба, молча указал пальцем в сторону белых исполинов, теряющихся в облаках. Его взгляд говорил яснее слов: «Ваша дорога — туда. Обратного везти не буду. Не на чем будет».

Марк первым взвалил на себя восьмидесятикилограммовый рюкзак. Лямки врезались в плечи с привычной, почти успокаивающей болью. В этом была простота, которой ему так не хватало внизу. Никаких договоров, никаких лицемерных улыбок в офисе, никаких вопросов о будущем. Есть вес. Его нужно нести. Есть склон. На него нужно подняться.

— Поехали, — буркнул он, не глядя на Анну.

Она поправила капюшон и пошла следом, её шаг был легче, но в нём чувствовалась та же железная целеустремлённость. Их разговор умер где-то по дороге сюда. Остались лишь короткие, необходимые фразы: «Дай каремат», «Кипяток готов», «Веревку». Их связывало теперь не прошлое, не общие воспоминания о тёплой квартире и совместных планах. Их связывала гора. Она была их общей целью, их судьей и, как они оба смутно догадывались, их могильщиком.

Первый день пути шёл ещё по зелёным альпийским лугам. Свистели сурки. Текли ручьи. Анна даже сорвала цветок эдельвейса, зажала его в ладони, и через час выбросила потемневший комочек. Красота здесь была обманчива. Она притупляла бдительность. Марк шёл, упрямо уставившись в землю перед ногами. Он ненавидел эту идиллию. Ему было комфортнее среди голых скал и ледников, где враг был виден сразу, лицом к лицу.

Ночёвка у старого моренного валуна. Они поставили палатку молча, с отлаженными движениями роботов. Когда внутри зашипел примус и стало чуть теплее, напряжение не исчезло — оно сгустилось, заполнив собой всё тесное пространство.

— Завтра выйдем на ледник, — сказал Марк, разглядывая карту при свете фонарика. — Нужно будет связаться.

— Я не забыла, как ходить в связке, — отрезала Анна. В её голосе была сталь. Это был тот самый тон, который за год до этого сказал ему в их гостиной: «Всё. Я ухожу». Только тогда за этим стояла боль. Теперь — ничего. Пустота, холоднее окружающего мрака.

Он поднял на неё глаза. Свет фонаря выхватывал из темноты её скулы, линию сжатых губ.

Марк: Зачем ты вообще здесь? **Анна:** *(помолчав)* Потому что ты никогда не слушал. Когда я говорила, что этот маршрут — самоубийство для нас. Для нашей... команды. А теперь ты позвал меня. И я пришла, чтобы ты увидел, на чём всё закончится. Чтобы в последний раз доказать тебе, что я была права. *Это сразу создаёт прошлый конфликт, связанный с горами, и делает восхождение актом фатального доказательства, а не примирения.*

«Убедиться» было многозначным словом. Убедиться, что они могут пройти этот путь. Убедиться, что между ними ничего не осталось. Или убедиться в обратном. Марк не стал спрашивать. Он потушил фонарь. В темноте их дыхание снова стало единственным звуком.

Утром они вышли на ледник. Мир резко сменил палитру. Исчезли все цвета, кроме белого, синего и чёрного. Белый — снег и фирн. Синий — глубь трещин, уходящая в таинственную, подлёдную мглу. Чёрный — каменные острова-нунатаки, торчащие, как надгробия гигантов.

Здесь тропа кончилась. Началось царство инстинкта. Каждый шаг требовал проверки: прочный ли снежный мост, не подведёт ли кошка. Ветер, который в долине был лишь прохладным дуновением, здесь выл, вырывая из рук ледорубы и обживая лицо колючими снежинками.

Они шли в связке. Двадцать метров верёвки между ними — дистанция, которая могла спасти жизнь или стать петлёй, утянув на дно трещины того, кто сорвётся. Марк шёл первым, прощупывая путь. Анна отдавала верёвку, её движения были чёткими и безошибочными. Они были идеальной командой. И в этом был ужас — механика вместо жизни. Они работали как два отлаженных шестерёнка одного механизма, но сам механизм был холодным и бесцельным.

К вечеру они достигли первого высотного лагеря — нескольких ярких пятен палаток у подножия громадной ледовой стены. Здесь уже был мир. Немцы распивали чай у входа. Группа русских что-то яростно спорила о тактике. Запахло едой. Появилась видимость безопасности.

Марк и Анна поставили свою палатку в стороне. Они не искали компании. Их путешествие было на двоих. Вернее, для двоих. Они вскипятили снег, влили в него кусок замерзшей тушёнки. Ели молча, прислушиваясь к голосам из других палаток. Смех здесь звучал неестественно громко, почти истерично — попытка отогнать давящую тишину гор.

Перед сном Марк вышел наружу. Ночь упала на ледник, чёрная и звездная. Где-то в темноте трещал и стонал лёд, живой и беспокойный. Он поднял голову. Высоко-высоко, утопая в звёздах, виднелся силуэт вершины. Пик Ленина. Их цель. Их судья.

В ту секунду он понял. Они не вернутся отсюда. Оба они это знали с самого начала, но только сейчас знание оформилось в кристально ясную, холодную мысль. Они пришли сюда не за победой. Они пришли сюда, чтобы отдать себя горе. Чтобы та забрала всё: усталость, злость, невысказанное, любовь, превратившуюся в свою противоположность.

Он вернулся в палатку. Анна уже лежала в своём спальнике, отвернувшись. Он погасил свет, залёг рядом. Их плечи почти соприкасались. Между ними лежали сантиметры и целая жизнь.

— Завтра будет сложнее, — сказал он в темноту.

— Знаю, — был ответ.

И всё. Там, внизу, остались их старые «я» — с надеждами и ошибками. Здесь начинался путь к последней точке. И первой точкой на этом пути была завтрашняя ледовая стена, блестящая на утреннем солнце, как гигантская, поставленная на ребро бритва.

Глава 2: Лезвие

Первые удары ледоруба были обманом. Лёд, хрусткий и зернистый утром, к десяти часам превратился в жидкую, предательскую кашу. Солнце на высоте 4000 метров — не светило, а раскалённое сверло, ввинчивающееся в темя. Отражённый от белоснежного склона свет бил в глаза, выжигал сетчатку даже сквозь тёмные очки. Слепота здесь была тактической. Гора отбирала одно чувство за другим.

Марк рубил ступени, его движения были механическими, раскачивающимися между отчаянием и яростью. Каждый взмах отзывался огнём в плече. Каждая ступень казалась насмешкой — такой маленькой, такой бесполезной перед этой белой бесконечностью.

Внезапно кошка под его правой ногой дрогнула, соскользнула. Сердце на мгновение остановилось, тело напряглось в ожидании падения. Но это была не трещина. Это был первый сюрприз. Под тонким панцирем наста лежал слой рыхлого, не держащего веса снега — «снежная доска», готовая сорваться лавиной при неверном шаге. Марк замер, чувствуя, как холодный пот стекает по позвоночнику поверх ледяного холода. Он сделал шаг вбок, прощупывая ледорубом. Там был твёрдый лёд. Он перевёл дыхание.

— Ловушка, — хрипло бросил он вниз Анне, даже не оборачиваясь. — Иди за моими следами. Точно.

Его голос был единственным звуком в оглушающей тишине. Тишина высокогорья — она физически давит на барабанные перепонки. И в этой тишине его накрыло воспоминание. Не картинка. Звук. Громкий, натужный смех Анны. Они были на скалодроме в городе, год назад. Она зависла на трассе сложности 6b, не могла найти зацеп. И вместо злости вдруг рассмеялась — смехом полного, безудержного веселья. «Смотри, — кричала она ему, — я как медуза! Висит и болтается!» Он тогда тоже засмеялся. Этот смех теперь резал его, как нож. Оттуда, из прошлого, где они ещё могли смеяться.

«Не сейчас. На хер», — прошипел он про себя, вгрызаясь ледорубом в следующую точку опоры. Мысли здесь были роскошью. Каждая лишняя мысль — грамм отнятой силы, миллисекунда потерянного внимания. Внимание — это всё, что стоит между тобой и бездной.

Они поднялись на гребень. И тут гора преподнесла второй сюрприз. Казавшийся снизу плавным склон обрывался резким карнизом. А с другой стороны гребня на них налетел ветер. Не попутный бриз, а ураганный кулак, выкованный в ледяных пещерах соседнего пика. Он ударил внезапно, с рёвом сорвавшегося с цепи зверя. Марка отбросило на несколько шагов, он едва вонзил ледоруб, чтобы не слететь вниз. Анна вскрикнула — коротко, по-звериному. Он обернулся. Она лежала на снегу, вцепившись в верёвку обеими руками, её ноги уже висели над кромкой гребня.

Время разделилось. Одна его часть, холодная и расчётливая, уже оценивала ситуацию: страховка на ледовом крюке, срыв не смертельный, но может утащить за собой. Другая часть, дикая и первобытная, выла от ужаса. Он пополз к ней, не вставая, цепляясь когтями-кошками за лёд.

— Не дёргайся! — зарычал он, и ветер вырвал слова и унёс. — Лежи пластом!

Их взгляды встретились. В её глазах он не увидел страха. Увидел ярость. Ту самую, что горела в ней, когда она ломала их общий сервис об пол их кухни, месяц после его измены. Ту ярую, чистую, всеуничтожающую ненависть. И сейчас эта ненависть была направлена не на него, а на гору. На эту проклятую белую тушу, которая посмела её тронуть.

Он подполз, вщёлкнул карабин в её поясную обвязку, дал ей свой ледоруб. Их пальцы в толстых перчатках соприкоснулись на секунду. Ничего. Пустота.

— Будешь подниматься по моему ледорубу. Медленно.

Она кивнула. Дышала, как загнанная лошадь. Она выкарабкалась. Когда она встала рядом с ним на гребень, её лицо было белым, как снег, а по щеке из-под очков текла слеза, мгновенно замерзая сосулькой. Она вытерла её грубым движением, словно стирая слабость.

Их путь продолжился. Но что-то изменилось. Воздух сгустился. Гора перестала быть просто целью. Она стала противником. И она только что сделала первый выпад. Ветер не стихал, он выл, вырывая из груди последние остатки тепла. Шаг стал ещё тяжелее. Каждое движение — преодоление. Марк чувствовал, как его сознание начинает плыть. Мысли набегали обрывками, как пена грязной волны.

Воспоминание второе. Тактильное. Не звук, не образ. Ощущение. Тёплая гладь её кожи под его ладонью на рассвете, когда они просыпались в одной постели и ещё не успели вспомнить, кто они и что их ждёт днём. Это ощущение тепла было таким ярким, таким реальным на фоне всепроникающего холода, что он аж пошатнулся. Чёрт. Это был признак. Гипоксия. Недостаток кислорода начинал разрушать мозг, вытаскивая на поверхность самое сокровенное и ненужное.

— Остановка! — крикнула Анна сзади, и её голос прозвучал как сквозь вату. — Марк! Дыши!

Он понял, что стоит, согнувшись, опираясь на ледоруб, и его действительно рвёт сухими, болезненными спазмами. Мир плыл. Анна отстегнулась от верёвки, подошла, силой заставила его сесть, сунула в рот шоколадный батончик.

— Медленно. Маленькими кусками.

Она командовала. И в её командах не было заботы. Была холодная эффективность партнёра, который не хочет, чтобы его тащил мёртвый груз. Он жевал, и мир понемногу возвращался в фокус. Перед ними расстилалось снежное плато, ведущее к следующему скальному взлёту. А посреди плато, как чёрный пророк, стоял одинокий скальный зуб — нунатак. И на его вершине что-то блестело на солнце.

Они подошли ближе. Это была консервная банка. Старая, ржавая. А рядом — обрывок верёвки, вмёрзший в лёд, и тёмное, почти чёрное пятно на камне. Пятно, похожее на окислившуюся кровь. Здесь кто-то уже был. Кто-то боролся. Кто-то, возможно, не дошло.

Марк посмотрел на это пятно, потом на Анну. В её глазах он прочитал то же самое понимание. Гора не просто противник. Она — кладбище. И каждый её сюрприз — это не игра, а напоминание о цене. Цене, которую они, возможно, уже готовы заплатить, но ещё не знают, хватит ли у них этой валюты.

— Пошли, — сказала Анна, и её голос был без колебаний. — До вечера нужно добраться до скал.

Он кивнул, поднялся. Его ноги были ватными, во рту стоял привкус железа и шоколада. Они снова пошли, два маленьких, тёмных пунктира на белом полотне смерти. А ветер гнал им в спину, подгоняя к следующему испытанию, словно торопливый и безразличный пастух.

Глава 3: Топливо для жизни

Палатка на высоте 5200 метров — это не укрытие. Это тонкая мембрана, отделяющая слабое тепло твоего тела от космического холода. Нейлон хлестал по дугам с таким бешенством, что казалось, вот-вот порвётся, и тогда белая пурга ворвётся внутрь, чтобы замести последний признак жизни.

Анна лежала, уставившись в потолок, где уже нарастала изморозь от её дыхания. Каждый выдох — маленькое облачко, каждый вдох — лезвие в горле. Холод просачивался сквозь каремат, спальник, термобельё. Он был уже внутри, медленное онемение, ползущее от конечностей к центру.

Они пришли сюда на грани. После скального взлёта, где Марк сорвался и повис на верёвке, сбив себе колено о камень, было ясно — сегодня не идти дальше. Его движение стало грузным, хромым. Решение разбить лагерь на этом узком карнизе было отчаянием, но иного выбора гора не оставила.

— Твой примус, — сказал Марк, не поворачиваясь. Его голос был глухим от усталости.

Она молча протянула ему маленькую стальную коробку. Он щёлкнул пьезо-розжигом. Раз. Два. Десять. Вспышек не было, только сухое, бесполезное потрескивание. Второй сюрприз дня. На такой высоте и в такую влажность пьезоэлементы отказывали. Бензин был, но огня не было.

Без кипятка они не растопят снег. Без воды — обезвоживание, отёк лёгких или мозга, верная смерть за пару дней. Без тепла — обморожение начнётся этой же ночью.

Марк выругался долго, монотонно, беззлобно. Это были просто звуки, выходящие наружу вместе с паром. Потом он замолчал. В тишине, прорванной лишь рёвом бури, решение созревало само собой, очевидное и чудовищное.

— Спички отсырели, — сказала Анна, как бы читая его мысли. Её голос был спокоен.

— Знаю, — ответил он.

Он покопался в рюкзаке, достал аптечку. Там, среди бинтов и таблеток, лежала маленькая плоская железная коробочка — огниво. Последняя линия обороны. Искра от него могла поджечь порох, сухой мох, пух. Но у них не было ничего сухого. Всё промокло от пота и пронизано влажным холодом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.